

Елена ФЕДОРЕНКО

Девять лет назад она вошла в репетиционный зал нового театра в новой роли — педагога. Ее педагогический дар оказался столь же совершенным.

— Екатерина Сергеевна, как появилась весьма дерзкая для своего времени идея создать в Кремле театр с многочисленной труппой, нацеленной на большие постановки?

— Идея принадлежала хореографу Андрею Петрову, художественному руководителю «Кремлевского балета». Я с радостью откликнулась на его предложение. При этом никаких особых задач не ставила, никаких сверхрезультатов не прогнозировала. Мы не собирались поражать, бросать вызов Большому, вступать с кем-то в соревнование. Хотелось выпестовать театр, не похожий на остальные. И по репертуару, и по творческим индивидуальностям исполнителей.

Вех. Москва — 1999 — 29 янв. — с. 6
Екатерина Максимова:

Мне даже не снится,

что я

танцую

— Когда вы сами стали педагогом, вспоминали своих учителей?

— Я их никогда не забывала. На педагогов мне повезло необыкновенно. Первые годы я училась у Лидии Иосифовны Рафаиловой — одного из лучших наставников младших классов. В балетную жизнь меня выводила блистательная Елизавета Павловна Гердт. Это поколение умело удивительным образом сочетать чисто цеховое, профессиональное мастерство с высочайшей человеческой культурой.

Все основные партии в Большом были подготовлены с Галиной Улановой, последние годы я репетировала с Раисой Стручковой. Жизнь все время сталкивала меня с людьми неординарными: Леонидом Лавровским, Ростиславом Захаровым, Юрием Григоровичем, Морисом Бежаром, Роланом Пти, Дмитрием Брянцевым... Рассказать обо всех? Даже перечислить всех непросто...

— Тогда скажите, какими они, великие, были хотя бы в мелочах, ведь именно из мелочей в конечном итоге складывается искусство, да и сама жизнь?

— Для больших художников мелочей не бывает. Дзеффирелли во время съемок поправлял декорации, подкрашивал их, передвигал столы, стулья. Он безоговорочно верил нам, исполнителям. И столь же бесконечно уважал труд артистов. После первого дубля мы начинали готовиться к следующему и слышали: «Спасибо, артисты свободны». Увидев наше удивление, Дзеффирелли почти оправдывался: «У меня работало шесть камер, мы все сняли. Если вы хотите повторить — пожалуйста, но в этом нет необходимости. Ведь это для вас совсем непросто...»

— Похожи на вас ваши ученицы?

— Мне интересно как раз то, что все они абсолютно на меня не похожи. У каждой — свой индивидуальный почерк, свой мир. Кого-то природа ограничила в физических возможностях, но подарила богатое «нутро». У другой прекрасные данные, но много ветра в голове. Как и мои учителя ко мне, я стараюсь относиться к ним как к личностям, пытаюсь разобраться в их отношении к искусству, театру, людям. Бесконечно повторять батманы-танцю, следить за вытянутым коленом — этим не раскроешь индивидуальность. Станцевать за своих учениц я не смогу. Не смогу за них чувствовать. В моих силах помочь им тоньше услышать музыку, углубить образ, правильно распределить свою актерскую энергию... Доказать неповторимость каждого — вот самое важное. Быть может, поэтому мне гораздо интереснее репетировать, чем давать класс.

— А сами вы были легкой ученицей?

— Нет. Я была не гладкой, сложной ученицей. На репетициях могла капризничать или упрямиться. Чтобы меня заставить что-то сделать, нужно было доказать необходимость этого. Я понимаю, как нелегко со мною было педагогам. Но все компенсировали упорство и работоспособность: я могла не выходить из зала часами.

— Как вы относитесь к критике, к желанию журналистов заглянуть за кулисы?

— Отзывы критиков часто раздражают. Что касается журналистов, у них какая-то своя жизнь, похожая на соревнование. Сегодня один кого-то поддел, смог узнать нечто пикантное. Завтра другой «ответил» чем-то непристойным из актерской жизни. Это, на мой взгляд, путь к довольно легкому успеху. Действительно, зачем сосредотачиваться на том, что думает художник, над чем мучается, если можно выставить на обозрение грязное белье? Меня это и раздражает, и обижает, и мешает. Правда, чем больший масштаб приобретает эта тенденция, тем менее она воспринимается всерьез. Во всяком случае, мною.

— Вы всегда избегали публичности, никогда не занимались саморекламой. Это скромность?

— Скорее, характер: никогда ничего не предпринимать во имя успеха и славы. Это не значит, что реакция зала не имела для меня значения. Актеры лукавят, когда говорят, что их не интересует мнение публики. Но и понаравиться любой ценой я не стремилась. Кому-то мое искусство нравилось, кому-то — нет.

— Последних не встречала...

— А я встречала. Претензий к ним не имею и обид не таю. Один случай стал для меня важным уроком. В 1957 году, после победы на балетном конкурсе. Тогда я еще училась в школе, мама и педагоги со словами «иди в класс и работай» увели меня от корреспондентов... И действительно, готовил новые партии, репетировать оказалось куда как интереснее, чем давать интервью и собирать восхищенные отзывы.

— На всех ваших спектаклях, а сегодня на спектаклях ваших воспитанниц, можно встретить Татьяну Густавовну — знаменитую маму знаменитой Максимовой.

— Я счастлива, что иду по жизни с мамой. Она — очень близкий мне человек: всегда в курсе моих дел, проблем, забот, всегда оберегает

Золушка — последняя ее партия — по порядку, но не по значению.

На репетиции с Натальей Балахничевой

Ее называли «бэби Большого балета», «маленьким эльфом» — за нереальную хрупкость; героиней чисто лирической — Жизель, Джульетта, Аврора, Маша. Но и героическая Жанна в «Пламени Парижа», искрометная Китри в «Дон Кихоте», самоотверженная Фригия в «Спартаке». Замкнутая и немногословная в жизни, она щедро распахивала свой мир на сцене. Танец ее легкий и поэтичен, как пушкинский стих, хотя счастье ее героинь не тождественно покою, а потому никогда не бывает безмятежным.

Анна КЛОШКИНА

Финал бенефиса Екатерины Максимовой в Государственном Кремлевском Дворце. 1994 г.

меня от бытовых трудностей, создает условия, чтобы я могла не отвлекаться от творчества. Заставить маму пропустить мой спектакль может только болезнь.

— Ваш дуэт с Владимиром Васильевым — и в жизни, и на сцене — прошел испытание временем. Трудно ли было его сохранить?

— Если люди столько лет вместе, значит, их связывают общие мысли, идеи, стремления. Ни у кого не бывает все гладко. И наша семья — не исключение. Мы вместе, потому что нужны друг другу. Искусственно семьи не поддерживаются. Но мы очень разные по характеру. Васильев — импульсивен, мгновенно загорается: появилась идея — надо действовать немедленно. Я же долго обдумываю, непросто решаюсь. Так было всегда... Васильев сказал — я тут же делаю, как он велел... Такого не было никогда! Мы часто и подолгу спорим, в этих спорах и рождается дорогая нам истина.

— А какой характер у Екатерины Максимовой?

— Характер очень трудный. Не прощаю вранье, хамство, предательство. А вот ошибки, заблуждения забываю легко. Не вспыльчива, но и не отходчива. Терпима: меня непросто вывести из себя. Если накопившееся раздражение приводит к взрыву, то вернуться к прежним отношениям бывает очень тяжело. Не понимаю поверхностного отношения к искусству, профессиональной беспечности, пренебрежения к родному театру, неуважения к коллегам, к партнерам...

— А что необходимо вам для вдохновения?

— Работа. Вдохновение, как и жизнь, складывается из всего, что тебя окружает. У меня оно появляется всегда, когда тружусь. В день спектакля ко мне лучше было не подходить. Я настраивалась, сосредотачивалась, копила силы...

— Труд балерины нелегкий. Травмы, перенапряжение. Поддержание формы. Вам

приходилось придерживаться диеты?

— Нет. Я люблю вкусно поесть, но когда работаю, не испытываю голода. Плотно ем вечером. Правда, когда танцевала, то так уставала после спектакля, что не до еды было. Колоссальные нагрузки... Мне трудно вспомнить спектакль, перед которым у меня что-нибудь не болело.

— Как складывались ваши отношения с персонажами?

— Перед каждой новой работой я трепетала: получится ли? Учила текст, порядок движения, репетировала и ждала момента, когда придет понимание всех нюансов образа. Иногда этот миг наступал быстро, чаще — процесс затягивался. Но рано или поздно роль становилась моей. Поэтому я никогда не могла ответить на вопрос: какая героиня любимая. Все.

— Вы ушли со сцены без деклараций, шумихи, обычных в такой ситуации фанфар. Вроде и были прощальные бенефисы в Москве и Петербурге, но никто не знал, что это ваши последние выступления. Таково было ваше решение?

— Нет-нет, тогда я не собиралась прощаться. Никакой моей инициативы в проведении бенефисов не было. Более того, я поначалу отказывалась от них. Потом решила: раз есть силы, представлю молодой театр, выступлю вместе с учениками. Для себя бы я этого никогда не сделала.

— Так почему же вы покинули сцену в полной творческой силе?

— Вовсе не в полной. Я считаю, что ушла слишком поздно. Собираюсь это сделать гораздо раньше. Но лишь только я принимала такое решение, появлялось интересное предложение, и я откладывала, откладывала...

— Тяжело ли было расставаться со сценой?

— Нет. Быть может, потому, что я уже начала преподавать и поняла, что танцевать и учить одновременно невозможно. Слишком разные это сферы: готовясь к своему спектаклю, пропускаешь репетиции с учениками, отдаляешься от них. Наступил момент, когда выход на сцену начал тяготить. Сейчас мне даже не снится, что я танцую...

29.1.99.

Максимова Екатерина Сергеевна